

Убедившись, что это и впрямь не его прежний цветок, Цюй Сяньяо замер. Выражение его лица то и дело менялось, отражая бурю внутренних противоречий. Наконец, он нерешительно протянул руку и коснулся стебля в паре сантиметров от желтого бутона.

Это прикосновение перевернуло всё в его душе. До этого момента он был твердо убежден: цветок — дар Маленького золотого божества, а недавний сон в монастырской келье — не что иное, как небесное знамение.

Лишь позже, поддавшись железной логике своего двоюродного брата Лу Яня и вспомнив, что в современном технологичном обществе суевериям не место, Сяньяо после долгих колебаний признал правоту брата.

Но теперь! Что же теперь?

Цюй Сяньяо застыл в той же позе, и на его лице заиграла странная смесь облегчения и робкой надежды.

Неужели, пройдя по кругу, он всё же оказался прав?

То самое место, подмененный цветок и до боли знакомый образ Маленького золотого божества... Всё сошлось! Каждая деталь легла в общую картину, в точности подтверждая его догадки, возникшие сразу после пробуждения!

«Брат Лу Янь ввел меня в заблуждение!» — пронеслось в голове у Сяньяо. Если бы он не вернулся, если бы сегодня не пришел в школу вместе с отцом под предлогом проверки от цветочной компании, если бы он, подобно брату, упрямо оставался на горе Утай — эта судьбоносная встреча была бы безвозвратно утеряна!

От этих мыслей сердце Сяньяо затрепетало. Не зная, как унять бушующий восторг, он огляделся по сторонам, набрал в грудь побольше воздуха и, сложив ладони рупором, прокричал во весь голос:

— Божество-о-о! Где ты-ы-ы?! Спасибо за цветок! Можно мне увидеть тебя наяву-у-у?!

Его протяжный крик эхом разнесся по округе, улетаая далеко за пределы сада.

Фэйфэй, который в это время уже добежал до небольшого альпинария, чтобы сфотографироваться, почувствовал странное «жужжание» в ушах. Он смешно почесал щеку и

поправил ушко.

Линь Госюн, не расстававшийся со своим огромным бумажным веером, заметил это движение. Он подошел к малышу и принялся мерно обмахивать его, подзывая к себе:

— Фэйфэй, иди-ка поближе к дедушке. Тут много мошек, я их отгоню.

Послушный Фэйфэй подошел к старшему дедушке и остановился рядом.

Линь Сянянь в это время отошел в сторону — ему внезапно позвонил крёстный, Ли Сюй. Вспомнив о недавней встрече, Фэйфэй поднял голову и легонько потянул дедушку за руку:

— Дедушка, я только что видел там того старшего брата. Он всё еще носит цветок, который я ему подарил. Кажется, он и правда очень сильно злится.

Линь Госюн поначалу не понял, о ком идет речь, но вторая фраза всё прояснила.

— Фэйфэй думает, что тот мальчик рассержен?

Малыш уверенно кивнул. Прошло столько времени, а тот брат всё еще не расстается с цветком — значит, обида его глубока.

— Когда я его увидел, он спал, и я не стал его будить. Я посидел рядом, подождал, и через какое-то время он открыл глаза. Я спросил, можно ли поменять цветочек, и он кивнул, ничего не сказав. Тогда я и поменял. Но потом, когда я ушел... мне показалось, что он просто не проснулся до конца.

В представлении Цюй Сяняо это был очередной сон. После пробуждения воспоминания подернулись дымкой, став нечеткими. Но с точки зрения Фэйфэя всё выглядело иначе: он честно пытался поговорить, и хотя брат открыл глаза, он почти не реагировал. Это лишь укрепило малыша в мысли, что тот всё еще дуется.

Выслушав рассказ, Линь Госюн понял, что именно гложет кроху. Фэйфэй думал, что всё уладил полюбовно, обменяв цветы по согласию, и это должно было снять груз с его души. Но теперь он засомневался: а вдруг мальчик был в полузабытьи? Тогда его поступок из честного обмена превращался в самоуправство.

И хотя изначально это был подарок самого Фэйфэя, в глазах ребенка вещь, ставшая чужой, требовала беспрекословного уважения к праву собственности. Малыш почувствовал укол совести, словно совершил что-то дурное.

Линь Госюн взглянул на учителей, возившихся с камерами неподалеку, и, взяв Фэйфэя за руку,

поднялся:

— Что ж, тогда дедушка ходит с тобой и проверит. Если тот брат и правда рассердился, мы с ним спокойно поговорим. А если он начнет буянить, дедушка тебя защитит.

— Спасибо, дедушка! — Фэйфэй, на голове которого красовалась маленькая соломенная шляпка, сплетенная Линь Госюном, заметно повеселел. — Дедушка, тот брат там!

Старик и ребенок, взявшись за руки, неспешно зашагали вглубь сада. До Фэйфэя донесся мягкий голос Линь Госюна:

— Знаешь, Фэйфэй, мне кажется, тот мальчик вовсе не злится. Просто ему очень дорог твой подарок.

Малыш слушал с сомнением, но если бы Цюй Сяньяо был сейчас рядом, он бы закивал так неистово, что едва не свернул бы шею: «Да! Именно! Я обожаю его до смерти!»

Сяньяо, подобно порыву ветра, ворвался в комнату охраны, где находился его отец. Убедившись, что Цюй Гуй там один, он с восторгом выпалил:

— Смотри! Божество снова подарило мне цветок!

«Так что вы все ошибались. В конце концов, мое "суеверие" оказалось единственно верным путем!»

Цюй Гуй за последнее время едва ли не каждый сантиметр земли в начальной школе «Цысин» перерыл, но так и не нашел второго мутировавшего растения. В итоге он, под предлогом надзора, заперся в мониторной и раз за разом пересматривал видеозапись, которую знал уже наизусть.

Погожее солнечное утро. Группы родителей с детьми осматривают школу под руководством учителей. Внезапно из-за поворота выскакивает неосторожный подросток. Столкновение. Один ребенок падает, другой кубарем катится по траве.

Затем нескладный юноша оступается и падает, теряя сознание.

И тут в кадре появляется малыш, от которого даже через экран веет невероятным очарованием и добротой. Пока никто не видит, он подбирает с земли цветок, сорванный и брошенный кем-то в суматохе, а затем, под присмотром отца, присаживается и осторожно вставляет его за ухо лежащему без чувств подростку.

Именно этот финал Цюй Гуй прокручивал бесконечно. На видео всё выглядело как чистая случайность, мимолетный жест ребенка, которому просто сказочно повезло найти среди сорняков истинное сокровище.

Удача, граничащая с невозможным. По крайней мере, самому Цюй Гую так не везло. После недель бесплодных поисков он начал подозревать, что был слишком оптимистичен, и тот белый цветок — единственный в своем роде.

И вот, когда Цюй Гуй уже погрузился в пучину самобичевания, его непутевый сын влетает в комнату с вазой в руках и хвастается: «Смотри! Божество снова подарило мне цветок!»

При упоминании «божества» в душе Цюй Гуя шевельнулось странное предчувствие. Он нашел запись с камер того места, где только что спал Сяньяо, и отмотал время назад.

— Твое «божество»... оно выглядит вот так? — Цюй Гуй указал на экран и нажал на паузу.

Кадр замер именно в тот момент, когда Фэйфэй менял цветы.

Цюй Сяньяо взглянул лишь мельком и тут же закивал:

— Да, это он! Погоди... а как его сняли на камеру? Божества же владеют магией!

В его представлении, если бы у Маленького золотого божества не было чудесной силы, как бы оно могло дарить такие невероятные цветы?

Но теперь, глядя на экран монитора — на ту самую запись, которой он сознательно избегал все эти дни, — Цюй Сяньяо, которого отец частенько называл «парнем без царя в голове», наконец осознал правду. Он начал медленно выбираться из лабиринта собственных фантазий.

В этом мире нет магии, способной спасти всех по мановению руки. Не бывает сказочных чудес.

В этом сложном, а порой и пугающем мире нам суждено идти своим путем, и никто не явится на облаке из цветов, чтобы стать героем-спасителем.

Цюй Сяньяо, которому пошел тринадцатый год, возможно, и сам это понимал. Его прежние речи казались отцу и Лу Яню хрупкими, как мыльные пузыри.

Но в тот миг, когда он упал с лестницы и очнулся на больничной койке, Сяньяо искренне, почти слепо хотел верить: Маленькое золотое божество существует. Оно приходит к каждому отчаявшемуся подростку, принося с собой радость и цветы.

Этот образ стал для него символом надежды, опорой для неокрепшей, едва не надломленной души.

Сяньяо хотел было уйти, но Цюй Гуй мертвой хваткой прижал его к стулу перед экраном. Мальчик смотрел на видео, и внезапно из его груди вырвался всхлип. Он низко опустил голову, яростно вытирая слезы.

В глазах Цюй Гуя промелькнула жалость, но он заставил себя быть твердым:

— Цюй Сяньяо, ты уже не шестилетний ребенок. С прошлого года ты вел себя достаточно своенравно.

Сяньяо слушал, крепче прижимая к себе вазу.

Поняв, что сын его слышит, Цюй Гуй вздохнул и продолжил уже мягче, настраиваясь на долгий разговор:

— Тот цветок в итоге завял, верно? Мы перепробовали всё: делали сухоцветы из лепестков, пытались выделить гены для селекции... Ни один метод не помог удержать это чудо.

На самом деле увядание было вторично. Главное — со временем сила Фэйфэя, питавшая цветок, иссякла. А в опавших лепестках её оставалось слишком мало, чтобы кто-то мог её почувствовать.

Еще три дня назад белое соцветие Сяньяо утратило всякий эффект. Цюй Гуй полагал, что из-за долгого пребывания вне почвы растение окончательно лишилось жизненных сил.

Сяньяо молчал.

Цюй Гуй окинул сына оценивающим взглядом, раздумывая, стоит ли продолжать нравоучения. Опасаясь вызвать протест, он решил начать с себя:

— Я знаю, как тебе сейчас горько. Мне тоже. Не поверишь, но когда цветок окончательно засох, я держался при тебе, а потом ушел в спальню и плакал на плече у твоей матери.

В последнее время «сеансы цветотерапии» стали обязательным ритуалом для семей Цюй и Лу. Сяньяо было больно терять это сокровище, но Цюй Гуй и старик Лу страдали не меньше — просто они умели скрывать свои чувства лучше, чем этот мальчишка.

Выдав свой секрет, Цюй Гуй снова перешел к воспитанию:

— Но как бы ни было грустно, жизнь продолжается. Если бы я впал в такое же безумие, тысячи людей, работающих на предприятиях семьи Цюй, остались бы без куска хлеба! Как бы они выживали?

— Сын Цюй Гуя не должен решать проблемы бегством от реальности! Цветок... цветок исчез, и с этим пора смириться!

Произнося это, Цюй Гуй почувствовал тупую боль в груди, но устоял. Он с некоторым недовольством покосился на желтый бутон в белом фарфоре:

— И посмотри на себя! Влетел сюда с этой вазой, как сумасшедший. Ты же видел запись, понимаешь теперь, откуда он взялся? Признаю, этому ребенку везет невероятно. Подобрать такое сокровище случайно — это один шанс на миллион. Но нельзя возводить чудо в ранг системы! Если он нашел один цветок, неужели ты думаешь, что он найдет и второй? Я всю школу перевернул, и если бы там было что-то еще, я бы давно это нашел!

— До каких пор ты будешь обманывать самого себя?!

Сяньяо, осознавший, что в последнее время и впрямь вел себя нелепо, покорно слушал отца. Но когда тот закончил, мальчик всё же поднял голову. Видя, что отец не дает ему вставить ни слова, Сяньяо просто молча протянул ему вазу.

Цюй Гуй машинально взял её.

И продолжил:

— Вот я и говорю... бла-бла-бла... Ты меня понял? Осознал ошибку? Мал еще, а туда же — в «заместительную терапию» играть. Ладно бы еще цветок похожий нашел, так ведь даже с цветом промахнулся! Ты...

Цюй Гуй вдруг замолчал. Он почувствовал, что входит в какое-то странное, пугающе комфортное состояние. В таком тоне он мог бы толкать речи часа два, не переводя дыхания.

Знакомое чувство...

Цюй Гуй осекся и медленно спросил сына:

— Сын, о чем я только что говорил?

— Папа, ты сказал, что я занимаюсь самообманом.

— ...

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Сердце Цюй Гуя забилося в бешеном, ненормальном ритме.

— А еще ты сказал, — продолжал Сяньяо, — что нельзя возводить чудо в ранг системы. Что если малыш нашел цветок один раз, то второй раз ему точно не повезет. И что если бы в школе было что-то еще, ты бы это давно нашел.

Удар по самолюбию оказался стремительным, как ураган. Факты говорили сами за себя: некоторым детям, отмеченным судьбой, везет не только в первый раз, но и во второй, и в третий!

Цветочная компания семей Цюй и Лу за это время прочесала едва ли не половину рынков страны С, перерыла горы древних трактатов, но, кроме туманных упоминаний об «улыбке от созерцания цветка», не нашла ровным счетом ничего.

Цюй Гуй был в отчаянии. Последней его надеждой была школа «Цысин», но и здесь его ждало фиаско.

И вот теперь сама жизнь доказывала ему: есть дети, которые с самого рождения окутаны золотым сиянием удачи, недостижимым для простых смертных.

В играх, в которые играл Лу Янь, для этого было специальное название:

[Свет европейского императора!]

Через полчаса Цюй Гуй, пребывая в редком для него состоянии прострации, вышел из мониторной вместе с сыном. Увидев Фэйфэя, который о чем-то весело болтал с Сяньяо, он невольно зажмурился.

Беда... Глаза простого смертного не выдерживали сияния, исходящего от этого маленького «императора удачи».

Сяньяо и его отец столкнулись с Фэйфэем и Линь Госюном как раз тогда, когда собирались вернуться к месту недавнего сна.

Малыш, увидев того самого старшего брата, смущенно спрятал руки за спину и принялся

перебирать пальчиками. Но всё же он набрался храбрости и окликнул остановившегося Сяньяо. С самым серьезным видом, четко и ясно, Фэйфэй изложил всю историю — от белого цветка до желтого бутона.

Цюй Гуй, слушавший со стороны, поначалу думал, что белый цветок за ухом сына был просто детской шалостью. Он и представить не мог, что за этим стояло искреннее желание утешить незнакомого человека.

Кто мог упрекнуть этого чистого, доброго ребенка? Тем более что в этой неразберихе в выигрыше остались именно они. А малыш теперь еще и извинялся с таким виноватым видом.

Цюй Сяньяо почувствовал, как в душе шевельнулось нехорошее чувство. Ему казалось, что он — жалкий воришка, укравший сокровище у ребенка.

Цюй Гуй узнал Линь Госюна. На видео он смотрел только на малыша, не обращая внимания на сопровождающих. Поняв, что этот «ослепительный» ребенок — из семьи Линь, Цюй Гуй испытал легкое потрясение.

Раз уж они встретились, решили немного пообщаться. Фэйфэй болтал с Сяньяо, а Цюй Гуй — с Линь Госюном.

Малыш взял Сяньяо за руку. Его взгляд был полон искреннего сочувствия:

— Брат, почему ты тоже грустишь? Почему в мире так много грустных людей? У Фэйфэя уже не получается всех утешить.

Песни, конфеты, а теперь и цветы — малыш делал всё, что было в его силах, но печали в мире оказалось слишком много.

Сяньяо вздрогнул. В его глазах отразилась мучительная внутренняя борьба.

— Фэйфэй, в твоём доме тоже многие грустят?

— Иногда, — малыш задумался и добавил: — Но это совсем по-другому.

В атмосфере любви и тепла мимолетная грусть — лишь приправа к жизни. Линь Сынянь мог расстроиться из-за спора с Линь Цзинли, Линь Линь — из-за лени Линь Ци, а Линь Гошэн и Линь Гохун — из-за проигрыша в «камень-ножницы-бумага» за право погулять с внуком.

Такая грусть была иной. Она была частью счастья.

Фэйфэй не знал, как объяснить разницу, но Сяньяо всё понял по-своему.

Его радость была украдена у этого доброго ребенка. Он не только неосознанно совершил кражу в первый раз, но и хотел сделать это снова, притворившись, что ничего не заметил.

Сяньяо стало противно от собственной слабости.

«Весь мир страдает, неужели только твоя боль имеет значение, Цюй Сяньяо?»

Мальчик опустил голову.

— Фэйфэй, ты можешь вернуть мне ту засохшую веточку, которую забрал?

Фэйфэй удивился:

— Цветок завял, я его выбросил.

— В какую урну?

— В ту, что стояла прямо перед тобой, когда ты спал, — ответил малыш.

Внезапно Сяньяо вложил вазу с цветком в руки Фэйфэя и, словно спасаясь от погони, бросился прочь.

Ветер донес его отчаянный крик:

— Фэйфэй, береги этот цветок! Когда вернешься домой, заботься о нем хорошенько! Он очень важный! Покажи его родным, они поймут!

Всё произошло слишком быстро.

Когда Цюй Гуй осознал, что его непутевый сын только что отдал бесценное сокровище, он почувствовал, что ему срочно нужна скорая. Давление явно зашкаливало.

Цюй Гуй хотел было что-то сказать Фэйфэю, но Линь Госюн с улыбкой положил руку ему на плечо. В тот же миг Цюй Гую показалось, что его плечо зажали в стальные тиски.

— Маленький Цюй, — негромко произнес Линь Госюн, — не стоит нам, взрослым, вмешиваться в дела детей. Посмотри, как они мило обмениваются подарками. Разве это не чудесно?

Что мог ответить Цюй Гуй? Ему оставалось только кивать, чувствуя, как сердце обливается кровью.

Он не мог перечить Линь Госюну. Просто потому, что тот бы его раздавил. Десять таких, как Цюй Гуй, не справились бы с этим стариком.

Вечером того же дня, когда отец и сын вернулись домой, мать Сяньяо, его дядя и тетя узнали о «щедрости» мальчика. Желание задать Сяньяо хорошую трепку возникло у всех одновременно.

И только дедушка Сяньяо внезапно расхохотался. Цветок исчез, но в его смехе слышалась искренняя радость.

Такого смеха в этом доме не слышали уже очень, очень давно.

— На что уставились?! — старик притянул к себе внука, словно впервые увидел в нем человека.
— Вот это я понимаю — парень из семьи Цюй! Сяньяо, дед тобой гордится!

Счастья хотят все, но есть вещи, которые нельзя терять — честь и достоинство.

Тот, кто преследует лишь удовольствие, забыв о совести, — не человек, а зверь.

А внук Лу Чжэна — настоящий человек!

— С тем стариком из семьи Линь у меня старые счеты... то есть, знакомства. Если верить родословной, — я прихожусь дальним двоюродным братом Линь Гошэну: я сын дочери старшей тети его отца. Завтра же, Сяньяо, мы с тобой отправимся в дом Линь, чтобы поблагодарить их честь по чести!

Старик рассудил здраво: к этому времени Линь уже наверняка поняли, что это за цветок. А значит, лучше действовать открыто. Глядишь, и союзником больше станет.

Репутация у семьи Линь всегда была безупречной.

Так Цюй Сяньяо, благодаря своему поступку «верни найденное», внезапно стал любимцем дедушки. Его статус мгновенно взлетел выше, чем у Лу Яня, всё еще томившегося на горе Утай.

На следующее утро старик Лу и Сяньяо отправились в путь.

Вечером они не вернулись.

Дедушка позвонил и сказал, что задержится.

На третий день...

На четвертый...

На шестой день Цюй Гуй сам позвонил отцу, заявив, что если тот не вернет Сяньяо, мальчик не успеет сделать летнее задание.

Старик Лу, прикрыв трубку рукой, спросил внука, который, кажется, совершенно забыл о доме.

Сяньяо ответил:

— Пусть папа привезет тетрадки сюда.

...

Так, в мгновение ока, пролетело десять дней.

...

А затем — и весь остаток лета. Дальний родственник Линь Гошэна со своим внуком так и прожили в доме Линь до самого первого сентября.

Цюй Сяньяо остался на второй год в шестом классе, а Фэйфэй пошел в первый.

В этот день в начальной школе «Цысин» яблоку негде было упасть. Шум, гам, праздничная суета — всё, как полагается.

Шеренга учеников в черной форменной одежде стояла у ворот с транспарантом, а за их спинами школьный оркестр настраивал инструменты.

Впереди всех стоял второклассник — самый молодой председатель студенческого совета в истории школы: Чжао Ци.

К нему подбежал четвероклассник:

— Председатель, родители и первоклашки уже подходят. Пора поднимать транспарант?

Чжао Ци нетерпеливо качнул головой:

— Это наше первое подобное мероприятие, тайминг должен быть идеальным. Ждите моего знака.

Прошло еще минут двадцать. Члены студсовета уже начали нервничать, когда глаза Чжао Ци внезапно вспыхнули. Он резко взмахнул рукой:

— Пора! Поднимайте! Музыку! Играйте все!

Раздались торжественные звуки новой школьной песни: «Начальная школа „Цысин“ приветствует тебя». Слова и музыка: Вэй Ечэнь.

Фэйфэй, поправляя лямки своего маленького рюкзака, подошел ближе. Он поднял голову и по слогам прочитал надпись на транспаранте:

— Добро пожаловать, новые ученики. Сердечно приветствуем новых учеников.

Чжао Ци первым зашелся в восторженных аплодисментах.

<http://bllate.org/book/13654/1602899>